

Ни устная, ни письменная речь не помогут справиться с психологической травмой — иногда и та, и другая, напротив, даже подталкивают к горькому пережевыванию случившегося. Лишь по-новому сформулированное высказывание, обращенное к невидимому другу, к идеальному читателю, способному нас понять, может вернуть нас в человеческое сообщество, откуда полученной травмой мы были изгнаны.

БОРИС ЦИРЮЛЬНИК

*“Устойчивость к психологическим
травмам и базовые знания”*

Глава первая

Я легла в нашу с ним постель. Легла одна — в последний раз перед возвратом к нормальной жизни. Еще немного, и мое одиночество закончится. Мне нравилась атмосфера таких ночей. Смесь нетерпения и возбуждения. Лихорадочное предвкушение нашей с ним встречи. Боязнь, что он будет тяжело переживать свое возвращение. Эйфория, накрывающая с головой. Желание ускорить время — и тут же замедлить его, потому что последние часы ожидания после более чем месячной разлуки дарят острое наслаждение. В полутьме нашей спальни резче проступали домашние шумы: малейший треск крыши, шорох дождя, легкие шаги кого-то из детей, вставшего в туалет, ворчание сквозь сон Месье, нашего пса, спящего вполглаза в своей корзине, шлепки прыжков со шкафа на стол и обратно старенькой кошки Мадемуазель. Звери тоже ждали его. Все наши помыслы сосредоточились на нем. Сейчас он уже должен быть в пути. Он приближался к нам, к нашему дому. Я отслеживала прилет и посадку его самолета онлайн, на своем телефоне. Он мне не по-

звонил. Он всегда говорил, что не хочет будить меня за несколько часов до приезда. Ему нравилось воображать, будто я сплю глубоким сном в ожидании его появления. Я не обижалась, понимала, что ему необходима пауза, чтобы побыть наедине с собой, подготовиться заново влезть в шкуру мужа и отца и начать привыкать к нам после разлуки. Не то чтобы он нас забывал за время своих отлучек, просто он становился там тем, кем был до появления семьи, погружался в жизнь без жены и детей.

Я дремала урывками, по несколько минут. Выныривая из сна, я первым делом смотрела на часы, спрашивала себя, как он там, в дороге от аэропорта к дому, беспокоилась, не слишком ли он устал и не заснет ли за рулем. И вот в какой-то момент меня разбудил лай Месье и попытки хозяина утихомирить его. И тогда, несмотря на то, что в доме не горела ни одна лампа, я поняла, что светит солнце, а дождь прекратился. Я сдержалась, не вскочила с постели и не скатилась по лестнице, чтобы повиснуть у него на шее. Так приятно — ждать, следить за нарастающим желанием прижаться друг к другу после долгой разлуки. Я медленно опустила на пол сначала одну ногу, потом другую. Все движения на первом этаже резко прекратились. Он знал, что я знаю, что он здесь. Я на цыпочках прошла по спальне, с предельной осторожностью, чтобы не скрипнула, открыла дверь — главное, не разбудить детей, — вышла на лестничную площадку и спустилась вниз. Он не включал свет. Дом был освещен только уличными фонарями. Возле

нижней ступеньки стояла его старая дорожная сумка из холста цвета хаки, которую он таскал за собой более пятнадцати лет и использовал только в своих экспедициях. Когда мы ездили отдыхать, он брал другую. Все имеют право на суеверие.

— Вот и я...

Ксавье стоял у меня за спиной. От счастья я даже зажмурилась. Да, он говорил шепотом, но все равно это был его голос, низкий и теплый, успокаивающий, придающий уверенность, заставляющий меня дрожать. Я медленно-медленно развернулась — передо мной был он, с его взлохмаченными каштановыми волосами и лицом, чуть помятым из-за долгого перелета, разницы часовых поясов и тысяч воспоминаний, принадлежащих только ему. Мы приблизились друг к другу, он обнял меня за талию, и наши глаза встретились: его зеленые погрузились в мои карие, и это была наша личная буря, только наша, как мы привыкли говорить.

— Я тебя разбудил? — прошептал он.

— Нет, я тебя ждала...

Он чуть усмехнулся, наполовину удовлетворенно, наполовину недовольно.

— Поднимайся и ложись, я скоро приду.

— Хорошо, но сперва поцелуй меня. — Я теснее прижалась к нему.

Он наклонился и оказался рядом, так близко, что я могла бы почувствовать прикосновение его губ, если бы в последний миг он не отодвинулся, расплывшись в обольстительной улыбке.

— Придется тебе еще немного подождать. Впрочем, мне тоже.

Я тихонько хихикнула, прикинув, что нормальная жизнь вот-вот возобновится, и стала подниматься по ступенькам. На середине лестницы я оглянулась и увидела, что он не отрывает от меня глаз.
— Постарайся побыстрее, — выдохнула я.
— Я скучал по тебе, Ава..

Немного погодя я лежала обнаженная под простыней и мое тело напряженно ждало его. Он был в душе: когда бы Ксавье ни прилетел, он не мог обойтись без душа — чтобы смыть остатки пыли из тропического леса и запахи животных, которых он там лечил. Это был его способ дистанцироваться от поездки, которая, с одной стороны, дестабилизировала его, а с другой — была необходима ему для душевного равновесия. Он подсознательно стремился не навязывать мне запах, незнакомый, непривычный и в любом случае не похожий на запах моего мужа. Он молча, без единого слова, лег рядом со мной. В эти ночи мы, как правило, молчали, потому что не знали, с чего начать. В последний месяц мы, естественно, общались, но всегда обсуждали только житейские вопросы. Поэтому, чтобы не бормотать невнятные слова и не начинать фразы, которые не сумеем закончить, мы предпочитали дотрагиваться друг до друга, обмениваться ласками и жадными поцелуями. Нам нужно было раствориться друг в друге, чтобы удостовериться, что расставание ничего между нами не изменило. Ксавье стремился узнать, та ли я, от которой он уехал, по-прежнему ли принадлежу ему, а мне было необходимо убедиться,

что он действительно вернулся, вернулся *ко мне*, даже если мыслями он еще на несколько дней останется *там*. В такие ночи мы занимались любовью, тесно прижавшись, побуждаемые настоящей потребностью, глубокой и медленно нарастающей. Голод по близости, взаимное желание отдаться увлекали нас в совсем иной мир, который был только нашим. Мы отстраивали его, привыкали к нему, заново делали своим.

Когда мы насытились и успокоились, наши тела все равно остались вместе, а наши взгляды и в темноте были прикованы друг к другу.

— Спи, Ава.

Я боролась со сном изо всех сил, потому что страстно любила эти ночи.

— Тебе тоже надо отдохнуть, ты наверняка вымотался.

— Ты же знаешь, что мне не уснуть после прилета. Отосплюсь следующей ночью...

Я не сомневалась, что завтрашний день он проведет не на диване. Как только за мной и детьми закроется дверь, он сядет на свой мотоцикл и отправится в ветеринарную клинику, ту самую, где мы с ним встретились больше пятнадцати лет назад.

* * *

Мне тогда было двадцать шесть. Однажды вечером после вернисажа я вышла на улицу. Возле мусорного бака притулился, скрючившись, боль-

ной котенок. Мне не хватило ни безразличия, ни смелости притвориться, что я его не заметила. Закутав несчастное существо в шарф, я положила его на пассажирское сиденье и отправилась искать ветеринара, который бы работал в девять вечера. После множества неудач у меня оставалась единственная надежда. Вроде бы я слышала, как кто-то упоминал только что открывшуюся неподалеку ветлечебницу. Проезжая мимо, я увидела свет в окнах. Я спешно припарковалась как попало на стоянке, под проливным дождем пересекла на высоченных шпильках двор, прикрывая руками котенка, и забарабанила в дверь.

— Сейчас, сейчас! — услышала я.

На пороге вырос мужчина, которого появление незнакомой женщины не слишком удивило.

— Что у вас?

— Вот, нашла у мусорки и не знаю, что с этим делать.

Он засмеялся.

— С чем — “этим”?

Я собралась предъявить свою находку, но он проворчал:

— Льет как из ведра, темным-темно, я ничего не вижу. Зайдите.

В прихожей царил бардак: ветеринарные инструменты соседствовали с мешками с одеждой, ящиками с питанием и коробками с книгами. Судя по всему, я явилась некстати.

— Извините, я только переехал, — сообщил он, словно прочитав мои мысли.

Он обернулся ко мне, и я впервые увидела зеленый блеск его глаз. И спросила себя, позволительно ли иметь такие красивые глаза.

— Ну что, показывайте его, — произнес он, спуская меня с небес на землю.

Я развела руки, он осторожно приподнял шарф и нахмурился, услышав жалобное мяуканье котенка.

— Что-то ты не в форме, да?..

Он покачал головой и с грустью покосился на меня.

— Ваш?

— Нет, я же сказала, что нашла его возле мусорного бака.

— Сделаю все, что смогу, в любом случае спасибо, что не оставили его подыхать.

— Это нормально.

— Давайте его мне, можете идти домой и прятаться от дождя.

Промокшие волосы свисали мне на лицо тонкими прядями, макияж потек, вид у меня был, пожалуй, не самый привлекательный. Он подошел ближе, подставил руки под мои и застыл на пару мгновений. Мы оба были растеряны, не шевелились и не могли отвести друг от друга взгляд. Мне совсем не хотелось расставаться с котенком, а еще меньше — с его новым доктором. Однако, тяжело вздохнув, он в конце концов подхватил комочек шерсти и отошел от меня. Он обращался с ним предельно осторожно, но при этом искоса следил за мной, пока я шла к двери, робко шепча “до свиданья”.

— Могу я узнать ваше имя? Надо же сообщить ему, кто его спас.

Я согласно кивнула и посмотрела на него сквозь ресницы.

— Я Ава, а вы?

— Ксавье.

Я ушла, беспокоясь за котенка и очарованная ветеринаром. В последующие несколько дней я часто вспоминала обоих, пока не пришла к заключению, что имею право узнать, как дела у моего найденыша. Я ушла пораньше из отцовской галереи, где тогда уже работала, и отправилась в клинику. Она была на замке, и я собралась садиться в машину, когда с ревом подъехал мотоцикл. Любопытство вперемешку с желанием, чтобы это был он, заставило меня помедлить, пока мотоциклист не снимет шлем. Ну да, я не ошиблась. Ксавье, сияя, подбежал ко мне.

— Добрый вечер, Ава. Спасла очередного котенка?

Я развеселилась, мне понравилась та непосредственность, с которой он только что сломал преграду между нами.

— Нет, просто хотела узнать, как он себя чувствует.

— Мадемуазель набирается сил.

— Потрясающе!

— Зайдешь к ней?

— Не хочу тебе мешать. У тебя же закрыто...

— Я на сегодня закончил. Так что у меня нет никаких дел, разве что ко мне заявится очередная юная красавица с котенком на руках.

Он шутовски подмигнул и расплылся в ухмылке, показывая, что иронизирует над собой и своей репликой записного ловеласа.

— Тебя малость занесло, Ксавье, — комично приструнил он себя.

Я опять засмеялась, очарованная его воодушевлением и естественностью. Вскоре Мадемуазель тихонько урчала у меня на руках.

— Не хочешь взять ее? — спросил он, почесывая кошечку за ушами. — Ей вроде нравится у тебя.

— А что я с ней буду делать?!

— Давай, возьми ее, — умоляюще протянул он и одарил меня взглядом грустного пса.

— Не дави на меня, это нечестно. Не могу я принимать серьезное решение с бухты-барухты! — уверенно произнесла я, но успела поймать довольное выражение, промелькнувшее на его лице.

— А если я приглашу тебя на ужин, чтобы у тебя было время все взвесить? Я здесь живу, так что не надо никуда идти. Я приготовлю поесть, ты съешь что захочешь, а заодно будешь ее гладить и...

— ...уйду с ней! — подколола я и расхохоталась.

Конечно же, я приняла его приглашение. Это был чудесный вечер. Мы много шутили, ближе познакомились, но главным образом старались понравиться друг другу. Ему недавно исполнилось тридцать. Он только что переехал сюда и открыл собственную клинику. Я пришла к выводу, что он не боится ответственности, если учесть размеры кредита, в который он ввязался ради покупки большого дома, где все или почти все требовало переделки. Он хотел создать ветеринарную лечеб-